

Алексей Зотиков

Две повести о любви, которая
долго ждала и лето у деда

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
3-88

Зотиков, Алексей

3-88 Две повести о любви, которая долго ждала и лето у деда / Алексей Зотиков. — М. : Bookstart, 2026. — 198 с.

ISBN 978-5-0061-0359-7

Две повести о любви. Первая о любви которая появилась и расцвела там, где ее никто не ждал и, а вторая любви между юностью и старостью на пороге смерти. Коротка и печальная.

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)**

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

ISBN 978-5-0061-0359-7

© Зотиков А., текст, 2026
© Bookstart (ООО «БУКАБУМ»), оформление, 2026

Оглавление

Повесть о любви, которая слишком долго ждала	5
Пролог.....	6
Глава 1. Знакомство	7
Глава 2. Домашний Ад	11
Глава 3. Домашние провокации.....	19
Глава 4. Много слёз и терпения	29
Глава 5. Костины проблемы и Дашины признания.....	32
Глава 6. Узкий мостик	35
Глава 7. Мучения Никиты	43
Глава 8. Проверка	50
Глава 11. Откровение.....	57
Глава 10. Мужской разговор.....	64
Глава 11. Красное платье	71
Глава 13. Первая ночь	76
Глава 14. Предчувствие.....	80
Глава 15. Отъезд	85
Глава 16. Новая жизнь	97
Глава 17. Помним и любим.....	101
Глава 18. Десять лет спустя.....	104
Эпилог	108
Лето у деда. Маленькая повесть	111
1. Внучка и проблемы	112
2. Кошмарные сны и утро в деревне	117
3. Деревенские разборки	124
4. На реке.....	130

5. Теплый хлеб	134
6. Тяжелая пятница	136
7. Испорченные ожидания	140
8. Полевые грибы	145
9. Деревенский душ	149
10. Жидкая валюта	152
11. Уха и бессонная ночь	154
12. Черная суббота	162
13. Милосердие деда	164
14. Зеркало не врет!	165
15. Печалька	169
16. Сбор дикой малины	173
17. Дары леса	183
18. Субботняя несправедливость	190
На последок	196

Повесть о любви, которая слишком долго ждала

“Любовь не в том, чтобы смотреть друг на друга,
а в том, чтобы смотреть вместе в одну сторону”.

— Антуан де Сент- Экзюпери

Пролог

“Господи, дай сил... Дети растут без отца, я — без мужа, а в кошельке — три копейки да последняя надежда, — шептала Анна Сергеевна, крестясь перед домашней иконой. — Этот парень... хоть и студент, но глаза у него честные. Обещал платить вовремя и помогать с детьми в счёт скидки. Может, хоть он поможет им не сбиться с пути? А мне... мне бы просто дожить до того дня, когда они скажут: “Мама, всё хорошо”. Только бы дожить...”

Глава 1. Знакомство

На момент знакомства с Никитой Anne Сергеевне, “милой пышечке”, было чуть за сорок, но годы горя и усталости придали ей вид женщины старше. Её лицо не столько измождённое, сколько выстраданное: тонкие морщинки у глаз, будто выгравированные слезами и бессонницей; бледные губы, давно забывшие вкус радости; и взгляд — уставший, но не сломленный. В нём читалась тихая мольба и последняя надежда.

Дома она одевалась просто, почти бедно: выцветшая кофта с аккуратно заштопанным локтем, юбка до колен, на ногах — домашние тапочки, протёртые до дыр. Волосы собраны в пучок, без косметики, без украшений — всё ушло на детей, на выживание. Но в движениях чувствовалось достоинство: она не просила — она предлагала. Не унижалась, а держалась. И даже когда крестила икону, шепча молитву, делала это не как нищенка, а как мать, готовая отдать всё, лишь бы её дети не сбились с пути.

— У меня за плечами армия, поступление в институт! Работаю ночным сторожем и учусь на филфаке! — рассказал о себе Никита. О том, что его девушка, пока он был в армии, вышла замуж, он говорить не стал: незачем об этом знать квартирной хозяйке.

— Мне пришлось переселить дочь к брату, чтобы освободить комнатку жильцу, — сказала она Никите. — Ей, конечно, обидно: подростку лишиться своего угла и делить комнату с братом... Но надо чем-то жертвовать! И не только мне!

Анна Сергеевна, вдова офицера, погибшего в горячей точке, не была героиней в прямом смысле слова: она честно несла свой крест и не гнушалась никакой работой, лишь бы поднять детей. Но именно

такие женщины становятся опорой мира: незаметные, измученные — и не сломленные.

— Для тебя приготовлена комната, — спокойно сказала она, внимательно изучив документы. — Не обижайся, буду с тобой на “ты”! Ты мне в дети годишься! Дети у меня шумные!

— Конечно! — улыбнулся Никита. — Надеюсь, мы поладим!

— И я надеюсь! — вздохнула женщина.

Он въехал в маленькую комнату на окраине с большой сумкой на плече, где уместилось всё его немудрёное студенческое имущество, с сердцем, сжатым тревогой, и кошельком, почти пустым после внесения платы за жильё. Университет и работа ночным сторожем — в пяти минутах ходьбы, но денег почти не было.

Хозяйка, Анна Сергеевна — вдова с усталыми глазами и двумя детьми-подростками на руках — встретила его не только как квартиранта, но и как последнюю ниточку, за которую можно ухватиться, чтобы не утонуть.

Она сама предложила компромисс: Никита будет помогать детям с учёбой и присматривать за ними в обмен на снижение арендной платы. И ещё, в ответ предложил он — всем питаться из одного котла, а он вносит свою лепту продуктами, чтобы оставалось больше времени для учёбы и общения с детьми. Анна Сергеевна согласилась — с благодарностью и некоторым сомнением.

— Разносолов я не готовлю! Не ресторан у меня. Это Костя, — сказала она, кивнув на мальчишку, швырявшего подушки в гостиную. — Ему двенадцать. А это Даша. Даше — пятнадцать. Уже почти взрослая, но совсем от рук отбилась.

— А я и не привык к ресторанам! А с детьми поладим! — Никита увидел, что у обоих — хитрые глаза и бунтарский огонёк.

Ходили оба босиком и не собирались даже носки одевать.

В момент их первого знакомства Даша — пятнадцатилетняя девочка, шлёпающая в домашних шортах и старой футболке, явно из секонд-хенда. Каштановые волосы до плеч небрежно собраны в хвост. На ней — ни следа косметики, но и без того она хорошенькая: свежее лицо, большие выразительные глаза, румянец на щеках — не от стыда, а от жизни: от споров, от слёз, от подавленных чувств. Ей было тяжелее всех: пришлось лишиться собственной комнаты

— Значит, ты наш квартирант! — бросила она, глядя на Никиту вызывающе, с лёгкой насмешкой. — Живи, но знай: я менять своих привычек ради тебя не буду! И дома я хожу так, как хочу и в чём хочу!

— Это правильное решение! — Никита демонстративно снял с себя носки и убрал их в карман.

В её взгляде уже сидело упрямство, обида за потерю комнаты и та ранимость, которую она тщательно скрывала за дерзостью. В движениях — лень и небрежность подростка, который ещё не понял, что уже перестаёт быть ребёнком. Она резко отвечала, отмахивалась от уроков, усаживалась на диван с телефоном, словно пытаясь спрятаться за экраном от всего мира... но в глубине души жаждала, чтобы её заметили. Не как “сорванца”, а как девушку, а мама всё ещё считала её ребёнком.

Костя же — двенадцатилетний мальчишка с хулиганской ухмылкой и бунтарским огоньком в глазах — не стеснялся: швырял подушки по гостиной, словно устраивал битву с невидимым врагом, и смотрел на Никиту с вызовом, смешанным с любопытством. Его движения

были быстры и дерзки, но в них чувствовалась не злоба, а обида — та, что накопилась у ребёнка, вынужденного слишком рано повзрослеть.

Он был одет небрежно: мятая футболка, застиранные джинсы. Длинные волосы растрёпаны, как будто он только что проснулся или от кого-то убегал. На лице — следы детства, но в глазах уже мелькало что-то взрослое: настороженность, недоверие к новому человеку, который вдруг появился в их доме.

— Ну, здравствуй, Никита! — сказал он коротко и замолчал. Но в этом взгляде уже было всё: желание защитить сестру, боль от утраты отца и тихая надежда, что, может быть, этот парень не такой, как все. Что он останется — и зла от него им всем не будет.

В первый же вечер Никита понял: он попал не просто в чужую квартиру, а в ловушку, которую сам же себе и устроил.

“Я пришёл сюда за крышей над головой, — думал он, разбирая вещи. — А получил в довесок — ответственность за двух недорослей. Что я вообще могу им дать? Сам еле держусь на плаву. Но если я уйду... а куда я уйду? А Анна Сергеевна... она смотрит на меня так, будто я — последний маяк в её буре”.